

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. <i>Т. Г. Эш</i>	7
Я ЕХАЛ В ПУСТОТУ, А ВОЗВРАЩАЛСЯ С РАДОСТЬЮ	18
ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	31
КОР	33
Между примирением и восстанием	59
Потребность в разговоре	82
Что будет, если выиграет СЛД?	86
Польская революция	102
Приключения гражданского общества	129
Люстрация по нашим меркам	148
Революция без утопии	168
Рапортую о своих пожеланиях, господин президент	187
Радикалы у власти	205
От революции к апатии	238
ПАМЯТЬ И СООБЩЕСТВО НАРОДОВ	251
Табу и невинность	253
Внешняя политика и ее противники	314
Миф беспорочной Франции	336
Кнут против диктаторов	351
Парижский Май и польский Март	364
Россия в новом мире	380
Память и сообщество народов	393

БЕСЕДЫ И ПРОЩАНИЯ	409
Беседа с Реймоном Ароном	411
Беседа с Ежи Гедройцем	424
Прощание с Котом Еленьским	463
Сделать мир сносным.	472
Почести антигерою	481
ПРИМЕЧАНИЕ ПОЛЬСКОГО ИЗДАТЕЛЯ	493
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	496
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	510

ВВЕДЕНИЕ

У слова «анализ» древнегреческие корни, и первоначально оно означало разложение чего-либо на составные части с целью лучшего понимания. В различных значениях указанное слово появляется в математике, грамматике, химии и оптике. В философии оно обладает дальнейшими коннотациями: «поиск источников исследуемого явления или объекта», раскрытие общих принципов, лежащих в основе определенных явлений.

Александр Смоляр является превосходным аналитиком польской политики, по моему мнению — самым лучшим из числа ныне живущих. Можно задаться вопросом, какой набор качеств играет в этом решающую роль. Ответы дают собранные здесь эссе. Анализируя его анализы, мы выявляем их составные элементы.

Во-первых, о Смоляре можно сказать в настоящем времени ровно то, что сам он говорит здесь в прошедшем о Марке Эдельмане: «...страстно увлекался политикой»¹. Один мой знакомый англичанин говорит, что британская политика выглядит для него как театральная спектакль, который играется ежедневно. Утром он просыпается и думает: «Что же случится на сцене сегодня?» Полагаю, точно так же обстоит дело и с автором этих эссе.

¹ Марек Эдельман (1922–2009) — до войны член Бунда; в годы войны — замкоменданта Еврейской боевой организации варшавского гетто во время восстания 1943 г. в нем — последний (после гибели М. Анелевича) командир повстанцев; в дальнейшем состоял в Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании 1944 г. После войны стал видным врачом-кардиологом. С 1976 г. член Комитета защиты рабочих (КОР), в период военного положения подвергался в 1981–1982 гг. интернированию. Прощанию с ним посвящено последнее эссе этой книги. — *Здесь и далее, если не оговорено иное, примечания переводчика.*

Многие из тех, кто разделяет с ним названную страсть, выбрали для себя карьеру реального политика, ангажировавшись непосредственно в партийное соперничество за власть. Да, конечно же, Смоляр активно включился в поддержку КОРа¹ и всей польской демократической оппозиции, а после 1989 года участвовал в рождении, в последующей земной жизни и в конечном итоге в жизни загробной [таких либеральных партий, как]² Уния свободы и [ее наследница] Демократическая уния. Однако он всегда сохранял критическую дистанцию, столь необходимую хорошему аналитику. Знал, что «слово имеет решающее значение», если процитировать Ежи Гедройца³ из беседы с ним, помещенной в данном томе. Поэтому Смоляр употреблял слова не как политик, для которого они служат лишь инструментом в борьбе за власть, а как интеллектуал, которому слова помогают добраться до правды. В этом смысле он всегда был *spectateur*

¹ Комитет защиты рабочих (польская аббревиатура KOR, или KOP), созданный в 1976 г. рядом известных польских диссидентов-интеллектуалов в качестве ответа на репрессии властей против участников рабочих протестов, был, как и ряд правозащитных организаций в СССР, следствием принятия Заключительного акта хельсинкской Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. KOP быстро перерос рамки своей первоначальной задачи (финансовой и юридической помощи рабочим, которые подвергались преследованиям) и стал первой институциональной формой оппозиции, сыграв огромную роль в развитии рабочего движения и возникновении независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность», зарегистрированного в ноябре 1980 г. и вскоре объединившего почти 10 млн членов.

² В квадратных скобках пояснения переводчика. — *Ред.*

³ Ежи Гедройц (1906—2000) — выдающийся польский публицист и политический деятель, после войны основатель и бессменный главный редактор действовавшего в Мезон-Лаффите близ Парижа ежемесячного общественно-политического и литературного журнала «Kultura» («Культура»), который стал центром польской политической и общественной мысли не только в эмиграции, но и в Польше, где распространялся нелегально. Помимо «Культуры» Гедройц основал также издательство «Instytut Literacki» («Институт литерачки», «Литературный институт»), выпускавшее целые серии книг, которые не могли выйти в «народной» Польше, и печатавшийся с 1962 г. ежеквартальник «Zeszyty Historyczne» («Зешыты хисторычне», «Исторические тетради»), который публиковал материалы по новейшей истории Польши и соседних стран (Литвы, Украины, Беларуси, России, Латвии), а также аналитические статьи, документы и воспоминания.

engagé (ангажированным, или *пристрастным*, зрителем), если воспользоваться классической формулой, ассоциирующейся с другим его собеседником из данного сборника, Реймоном Ароном¹.

В случае Смоляра эта решающая критическая дистанцированность является не только духовной позицией, но еще и географическим фактом. Покинув Польшу в 1971 году из-за бесславных событий Марта 1968-го² и их последствий, которые то и дело мелькают в этой книге, словно тень отца Гамлета, он почти 40 лет прожил в Париже. Из них последние 20 провел между Парижем и Варшавой. Как в долгосрочном, биографическом смысле, так и в чисто оперативном — с недели на неделю — его жизнь можно назвать непрерывным путешествием из Варшавы в Варшаву. Смоляр знает самые свежие подробности каждого, пусть даже ничтожного события в польской политике (которая не раз выглядит удручающей), но вместе с тем способен из парижского далека увидеть более широкую картину. Особенно обогащающими — и это отчетливо видно в данной книге — оказываются тут международные

¹ В первую очередь здесь имеется в виду книга Реймона Арона, называющаяся как раз «*Spectateur engagé*» (1981), — богатая идеями и наблюдениями беседа с ним двух французских журналистов, посвященная основным событиям политической истории XX века, свидетелем и непосредственным участником которых был этот известный французский социолог и политический мыслитель; она вышла на русском языке под названием «Пристрастный зритель» (М.: Праксис, 2006).

² Март 1968-го — так называют в Польше политический кризис в стране, начало которому положили студенческие протесты, а также политические интриги в руководстве ПОРП. В студенческих волнениях, которые в основном сосредоточились в Варшавском университете, власть официально обвинила евреев. В итоге агрессивные действия властей против митингующих сочетались с репрессиями по отношению к евреям и полякам еврейского или частично еврейского происхождения, которых голословно обвинили в подкуживании студентов. Результатом этого стала «антисионистская» (а фактически антисемитская) кампания, в ходе которой подавляющее большинство из числа 25–30 тыс. евреев и поляков еврейского происхождения, сохранившихся в Польше после Холокоста и усиленной послевоенной эмиграции из-за преследований и погромов (она шла главным образом в Палестину и только что созданный Израиль), было выдвинуто из страны. В итоге эмигрировало, по разным оценкам, около 20 тыс. человек. Разрешение на эмиграцию они могли тогда получить лишь при условии отказа от польского гражданства.

сравнения — и с Центрально-Восточной Европой, и намного более отдаленные. На страницах данного сборника слышны несмолкающие отголоски авторитарного и поставторитарного опыта Испании, Португалии и Латинской Америки.

Подобные «географические» наблюдения переносятся также на литературу. Как и его друг Пьер Хасснер — аналитик международных отношений ароновского извода, — Смоляр тоже производит такое впечатление, словно он все прочитал и каждого выслушал. Его эссе пестрят отсылками к другим авторам и мыслителям, чьи наблюдения он часто сгущает и уплотняет, конденсируя в одну сжатую, меткую формулу. Написанные им тексты, а особенно беседы с ним выглядят будто ларец с драгоценностями, которые он извлекает оттуда с ошеломляющей быстротой. Есть столько вещей, которые надо высказать, а времени так мало... Однако понимание тонкостей, сложностей и нюансов не заслоняет Смоляру более широких перспектив — глядя на деревья, он видит и лес.

У Смоляра есть репортерский дар — умение схватывать существенные детали и значимые подробности (этот талант полностью развился в описаниях посткоммунистической Европы, принадлежащих перу его сына Петра¹). Александр Смоляр отмечает, к примеру, что в 1976—1977 годах маленькие суммы для КОРа собирали даже в некоторых министерствах или что он в 1971 году встретил в Болонье больше коммунистов, нежели перед этим на протяжении всей своей жизни в Польше. Нравится ему также и термин «ольшевики», обозначающий польских правых радикалов после 1989 года². Однако он не задерживается сколько-нибудь долго

¹ Петр Смоляр (р. 1974) — французский журналист польского происхождения. В 1997—1999 гг. был координатором Франко-российского центра журналистики в Московской школе журналистики, затем, в 1999—2001 гг., корреспондентом французской ежедневной газеты «Фигаро» и журнала «Марианна» («Magianne») в России. В настоящее время — редактор иностранного отдела газеты «Монд», часто выезжает в качестве ее специального корреспондента в Москву и Варшаву. Печатается также в британской газете «Гардиан» и других солидных изданиях.

² От фамилии Яна Ольшэвского, премьер-министра Польши с декабря 1991 до июня 1992 г., решительного антикоммуниста «большевистского» толка, чьим главным действием на указанном посту стало проведение через парламент закона о люстрации (который, однако, был вскоре признан неконституционным).

на поверхности явлений. В отличие от обычного репортера, для которого первоочередная цель — воспроизвести ощущения, климат, колорит или эмоции, Смоляр, будучи аналитиком, хочет, словно анатом XVIII века, забраться скальпелем под кожу, увидеть мышцы, сухожилия, кости. Хорошим примером этого служит эссе о «Польской революции», которую автор делит на три классических течения: умеренных, радикалов и людей *ancien régime* (старого порядка), называемых им в специфическом контексте посткоммунистической Польши «старо-новыми». Это очевидное упрощение, но до чего же оно поучительно!

Наш краткий анализ анализов Александра Смоляра следует дополнить двумя другими, и тоже необходимыми, элементами. Первый — это ясный, четкий и острый стиль, далекий от помпезной и мутной тарабарщины большинства научных текстов, но никогда не соскальзывающий в журналистскую поверхностность. Автор не боится смелых, порою шокирующих тезисов, но всегда подкрепляет их фактами и аргументами.

Во-вторых, разработки Смоляра, как и все хорошие политические анализы, опираются на знакомство с историей. Дело в том, что связи между памятью и историей — индивидуальной и коллективной — представляют собой вторую важную сюжетную канву его писательства, в том числе и в данном томе. Смоляра интересует память как таковая — *vide* (смотри) его поучительные эссе о Франции. Но наибольший интерес вызывают у него две коллективные идентичности, которые можно бы назвать его собственными правой и левой руками, — идентичности польская и еврейская. Не было бы, пожалуй, ошибкой сказать, что обеим этим рукам сильно досталось — как у кого-нибудь такого (автор знает это лучше многих), кто в результате аварии получил болезненный ушиб или травму.

В беседе с Ежи Гедройцем, состоявшейся у Смоляра в середине 1970-х годов, опубликованной впервые в 1986 году, а теперь перепечатанной в данном сборнике и по сей день наполненной живым содержанием, есть такой увлекательный момент. Взвешивая болезненные сложности запутанных польско-еврейских отношений, Гедройц говорит:

«Да, это трудный вопрос, который, кстати, чрезвычайно нам вредит и очень нас отравляет. Но, знаете ли, это ужасный народ». На что Смоляр вставляет единственное слово: «Какой?» А Гедройц отвечает: «Ну, поляки».

В этом месте я чувствую себя обязанным, парафразируя прославленные слова Райнера Марии Рильке («*ein jeder Engel ist schrecklich*», «каждый ангел ужасен»¹), сказать: каждый народ ужасен. Говоря точнее, каждый ужасен по-своему. Германия, Франция, Англия, Америка — каждая из этих стран специализируется в какой-то своей ужасности (Америка, к примеру, в параноидальной охоте на ведьм: в XVII веке это Массачусетс, в 1950-е годы — маккартизм; наконец, вспомним происходящее там после 11 сентября 2001 года). Ужасная национальная специфика появляется и входит в острую стадию в периоды растущей напряженности, войны, экономических срывов и в прочих исключительных ситуациях.

Много есть минных полей и извилистых тропинок во взаимоотношениях между самыми разными европейскими народами — достаточно подумать о таких коллизиях, как англо-ирландские, немецко-русские или кастильско-баскские в Испании. Но с полной убежденностью могу констатировать, что никакие мины не являются более взрывоопасными и никакие тропы — более запутанными (в том числе и эмоционально), нежели те, которые обычно называют польско-еврейскими отношениями. *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!* («Оставь надежду, всяк сюда входящий»²).

С равной убежденностью добавлю, что нет лучшего проводника-вергилия по этому лабиринту, чем Александр Смоляр. Не обходя никаких трудностей, он ясно показывает всю сложность ситуации. Его раннее эссе «Табу и невинность» (1986) остается — при всем, что написано впоследствии, — одним из наиболее нюансированных и прониза-

¹ См. начало первой из его «Дуинезских элегий» (иногда они именуются «Дуинскими»). Существует множество вариантов перевода этого знаменитого произведения Р. М. Рильке, и в некоторых из них данная строка начинается словом «всякий», а не «каждый».

² Это последний стих надписи над воротами в ад. См.: Данте. Божественная комедия. «Ад», III, 9, пер. Дм. Минаева (1874—1879). В более известном, почти классическом, хотя и более современном переводе М. Лозинского указанное место звучит так: «Входящие, оставьте упования».

тельных анализов многочисленных травм 1930—1940-х годов. В более позднем тексте, озаглавленном «Парижский Май и польский Март», он отмечает с ноткой намеренного преувеличения, что абсурдно говорить о польско-еврейском диалоге в современной Польше, поскольку еврейской стороны уже нет. В результате «Польша ведет диалог сама с собой». Анализируя все, что произошло в Марте 1968-го, он пишет: «Ибо власти начали „обезевреивание“ ПНР по той причине, что рассчитывали на популярность такой политики или хотя бы на пассивную благосклонность немалой части общества». Его комментарий насчитывает всего четыре слова: «И они не просчитались».

Затем Смоляр напрямую ставит вопрос, над которым я и сам не раз задумывался: «...откуда столько евреев, евреев-поляков, поляков еврейского происхождения, поляков с еврейскими корнями — ох, какие же у польского языка проблемы с евреями! — среди инициаторов движения 1968 года?» (в числе которых, ясное дело, и он сам). И отвечает предварительной гипотезой: «Так нельзя ли в свете этого интерпретировать ангажированность в мятежные проявления 1968 года как бунт послехолокостовской генерации против трагического груза истории, который обременял поколение их родителей?»

Я бы расширил данную аргументацию. Существует чисто эмпирический тезис, против которого стали бы возражать лишь немногие из зарубежных исследователей польской истории (если таковые вообще бы нашлись): что указанная небольшая группа (с какой бы точностью ни формулировать ее дефиницию) сыграла огромную, несоизмеримую с ее численностью роль в беспрецедентном, растянувшемся на 1968—1989 годы мирном освобождении Польши, а потом, уже в следующем двадцатилетии, в демократизации этой страны и ее интеграции с Европой. Достоин внимания тот факт, заведомо противоречащий рефлексу, который ассоциирует Польшу с антисемитизмом (и который все еще продолжает оставаться куда как частым в Америке, Франции или Великобритании), что на протяжении всего лишь двух десятилетий независимая Польша имела трех глав дипломатической службы еврейского происхождения.

Иными словами, за 20 лет их тут оказалось больше, чем в Америке за 200 лет. Не существует единственного, да еще и простого объяснения этого исключительного польско-еврейского вклада в возрождение свободной Польши. Каждый конкретный человек продвигался несколько иной тропой, и посему одни лишь индивидуальные биографии скрывают в себе убедительный ответ.

Именно эссе Смоляра на данную тему представляются, пожалуй, самыми глубокими во всем этом сборнике; они же принадлежат и к наиболее личным. Но никакое из них не является ни более глубоким, ни более личным, чем тот долг памяти и та честь, которые он воздал Мареку Эдельману, — траурная речь на похоронах последнего, очень метко сделанная завершением данного тома. В этом честном и трогательном эссе автор спрашивает: «Как быть поляком, не переставая быть евреем?» И пишет о «подлинном еврействе» Эдельмана, от которого его самого «отсекла история, варианты, выбранные родителями, да и мои собственные решения в пользу Польши и польскости».

В этом месте, пользуясь своей дистанцированностью инсайдера-аутсайдера, я хотел бы взять на себя смелость высказать одно замечание, которое — как мне представляется — здесь вполне уместно. Многих из ведущих деятелей британской интеллектуальной и публичной жизни можно по некоторым критериям признать евреями. В строго определенных контекстах их можно определить термином «британские евреи». В большинстве ситуаций их назвали бы просто британцами. В более обширных биографических разработках они получили бы название «еврейско-британских» или же «британско-еврейских» писателей, юристов, журналистов, политиков и т.п. С любыми уместными здесь оговорками все это можно, пожалуй, посчитать семантическим признаком некой цивилизованной нормальности. Благодаря выбранным им жизненным вариантам, своей индивидуальности, образу мышления, преданности делу польской свободы, а также мужеству той интеллектуальной ясности, с какой Александр Смоляр смотрит на польско-еврейскую историю, он весьма значительным образом поспособствовал при-

ближению свободной Польши к такому цивилизованному состоянию.

Однако его участие в построении современной нормальности в Польше выходит далеко за рамки этого специфического вопроса. Когда мы говорим о «нормальности», а особенно о «нормализации», весьма показана осторожность. В XIX и в начале XX века Великобританию во многих европейских странах (в том числе и в Германии) ставили в пример как образец современной нормальности, однако сами британцы гордились своей уникальностью. Говоря о «нормализации» в Чехословакии после вторжения в августе 1968 года, Советский Союз имел в виду возвращение к коммунистической норме. После объединения Германии в 1990 году консервативные немецкие интеллектуалы говорили о «нормализации» страны. Они были заинтересованы в том, чтобы Германия как народ и государство больше напоминала сегодняшнюю Францию. Но можно ли назвать Францию начала XXI века нормальной? Что же касается Польши, то ситуацию, когда она является суверенной, независимой и самоуправляющейся страной, когда она на равных со своими западными, северными и южными соседями принадлежит к содружеству безопасности и политико-экономического сотрудничества, следует, рассматривая все перечисленное в историческом аспекте, признать состоянием, которое в основе своей является ненормальным — совершенно неизвестным в новейшей истории Польши.

Однако в Европе начала XXI столетия мы приблизительно знаем, что имеем в виду, — даже если наши нормы были в прошлом (и могут, к сожалению, оказаться в будущем) далекими от нормальности. В сферу этой современной европейской нормальности входит политико-юридический суверенитет, добровольно делегируемый в рамках Европейского союза и НАТО. Но к нему принадлежит также своеобразный психологический и интеллектуальный суверенитет в отношении как прошлого, так и будущего. В первом случае он означает состояние, которое я назвал *мезомнезией*. Это не *гипермнезия* таких территорий, как Югославия 1990-х годов, с маниакальной погруженностью населявших

ее народов в воспоминания о прошлом и с отсутствием ясной границы между ним и настоящим. Но это также и не *амнезия* Германии 1950-х либо Испании 1970-х. История — вещь известная, причем со всеми своими светлыми и темными сторонами. Она публично задокументирована и признана. Но она не вызывает травматичных терзаний ни общества, ни его коллективного сознания. Я считаю, что лишь после 1989 года Польша обрела шанс выработать для себя «нормальный», или, может быть, скорее *здоровый* либо, еще точнее, *здравый* подход к истории. Уже не будучи ее жертвой — в конце концов, страна уже 20 лет принадлежит к стану победителей, — она должна суметь спокойно признать как добро, так и зло собственного прошлого.

Психологически-интеллектуальный суверенитет относится также к будущему. В нескольких местах данного тома Смоляр говорит, что поляки должны научиться думать о себе не только «мы, поляки», но и «мы, европейцы». В качестве европейской страны, с которой считаются другие, Польша имеет теперь все шансы формировать не только собственную судьбу, но и судьбы своей части континента, а также всей Европы в том мире, который становится все менее европейским. (К многочисленным проявлениям публичной деятельности Смоляра принадлежит и участие в группе лиц, руководящих Европейским советом внешних отношений, который занимается выстраиванием европейской внешней политики.) Ведь Польша одна из шести самых крупных стран Европейского союза и единственная региональная держава в его восточной половине. Когда поляки говорят «Запад», то по-прежнему часто думают, будто он находится где-то в другом месте. Сегодня сама Польша представляет собой часть Запада — или же того, что осталось от него в геополитическом смысле во все более постзападном мире. Запад — это мы.

В качестве литератора и комментатора, в качестве аналитика польской политики, которого уважают польские политические деятели левой и правой ориентаций, а также читатели всего мира; наконец, в качестве президента Фонда им. Стефана Батория, играющего в Польше важную роль форума для цивилизованных дебатов о политике и публич-

ных делах¹, Александр Смоляр, как мало кто другой, способствовал возникновению современной, европейской Польши, которая и психологически и политически суверенна во взаимоотношениях с Востоком и Западом, с прошлым и будущим. Об этом свидетельствует представленная здесь подборка его эссе, очерков и интервью за последние 30 лет.

Оксфорд, февраль 2010 г.

¹ Основной метод работы данного Фонда — оказание финансовой помощи неправительственным организациям, действующим на территории Польши и за границей. На это Фонд направляет 80% своего бюджета, предоставляя около 400 грантов в год на сумму 14,5 млн злотых (примерно 5 млн долларов США). Фонд ведет также публичные дебаты на темы, связанные с политикой, общественной проблематикой и международными отношениями, публикует исследовательские материалы и организует конференции, семинары и летние школы.

Я ЕХАЛ В ПУСТОТУ, А ВОЗВРАЩАЛСЯ С РАДОСТЬЮ

1998

Анджей В. Павлючук: *Напомните, пожалуйста, читателям «Тигля культуры», при каких обстоятельствах вы отправлялись в эмиграцию.*

Александр Смоляр: Я уехал в феврале 1971 года; можно сказать, что это была запоздалая мартовская эмиграция. Меня вышвырнули из Варшавского университета, где я был ассистентом. После годичного пребывания в тюрьме я хватался за самые разные занятия, так как не имел возможности продолжать академическую работу. И в результате решился на эмиграцию.

Вначале поехал в Италию; провел первый год в американском высшем учебном заведении в Болонье, Университете Джонса Хопкинса (в Школе международных отношений), а позже искал работу в пяти различных странах, не зная, где буду в конечном итоге жить. Потом я получил работу в Париже, в Национальном центре научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS), что, по польским представлениям, было бы эквивалентом Академии наук.

— *Вы сказали, что это была запоздалая мартовская эмиграция. Означают ли такие слова, что ранее вы не чувствовали нажима и вас не принуждали к отъезду?*

— Никто меня к отъезду не принуждал, это было решение, долго вызывавшее внутреннюю борьбу и принятое с опозданием — по причине общей ситуации, в которой я оказался.

— *Какой была эта ситуация?*

— Личная, профессиональная — чувство маргинализации как в личной сфере, так и в профессиональной.

— *С каким настроем вы уезжали из Польши?*

— Прежде всего с большой дозой неуверенности. Для меня, помимо академической работы, всегда оставались важ-

ными публичные дела. Уже много лет я был активно вовлечен в скромную тогда оппозиционную деятельность — она являлась для меня существенным измерением бытия, но, эмигрируя, я не знал, какую модель жизни смогу выбрать. Причем я не был уверен ни в чем, потому что в момент отъезда не располагал ничем заранее устроенным, налаженным, а в первую очередь отсутствовала работа. Я ехал в полнейшую пустоту. Не знал и того, какие у меня будут там, за границей, возможности действовать на благо Польши. Другими словами, достигнув к тому моменту почти тридцатилетнего возраста, я отправлялся в большой мир, не имея никаких ориентиров и зацепок. Но очень скоро — а на самом деле всего лишь полгода спустя — вместе с семьей, которая жила в Швеции, и с кругом друзей мы приняли решение издавать журнал.

— Это был ежеквартальник «Анекс» («Приложение»)?

— Да, «Анекс», который выходил в течение семнадцати лет, с 1973 года.

— Как Европа принимала в то время польскую эмиграцию?

— Польская эмиграция не носила тогда массового характера. Разумеется, все, что произошло в Польше в связи с так называемым Мартом, вызвало большой резонанс, и посему тех, кто выезжал в 1968 и 1969 годах, встречала далеко идущая помощь. Я покинул страну уже в другой период, и моим приоритетом было продолжение академической работы, чем я не мог заниматься в Польше. Поэтому в моем случае не играло роли, как выглядело общее европейское настроение по отношению к эмиграции, зато существенным было решение конкретного учебного заведения — хотят они меня взять или нет. На протяжении года я находился в университете Болоньи, но на очень специфических условиях. В принципе, меня приняли туда как студента, а ведь я уже окончил учебу в Варшавском университете и работал там — в качестве ассистента. Но речь шла о том, чтобы дать мне шанс продержаться год на весьма скромную стипендию, которая составляла 100 долларов в месяц. А когда этот год подошел к концу, я подал заявления о трудоустройстве в учебные заведения сразу пяти разных государств. В общем, как видите, нельзя

говорить ни о каких общих правилах, касающихся приема эмигрантов.

— Но, надо думать, вас всех рассматривали однозначно — как политических беженцев, как изгнанников?

— Нас воспринимали как жертв разного рода дискриминации, как беженцев из недемократической страны. Один раз случилось даже, что мой статус беженца из коммунистической Европы помог мне в стараниях по поводу работы. Когда я добивался постоянной должности в уже упомянутом Национальном центре научных исследований (НЦНИ) в Париже, там имелись только две вакансии, а кандидатов, как и каждый год, несколько десятков. Я выиграл благодаря своего рода контракту, заключенному в научной комиссии НЦНИ между левыми и правыми. Дело состояло в том, что как раз в тот период, после свержения президента Альенде, нахлынула большая эмиграция из Чили — естественно, левая. Правые согласились на принятие чилийца при условии, что левые согласятся взять меня — эмигранта из Польши. Небезразличной была и поддержка со стороны Реймона Арона, который меня пригрел — я имею право так выразиться — с первых дней моего пребывания во Франции. И это был единственный случай, когда я воспользовался статусом политического беженца.

— А каким было самочувствие польских эмигрантов? Можно ли говорить, что вы все более или менее сознательно обращались к традициям Великой эмиграции¹, продолжали их?

— Думаю, последним поколением, испытывавшим такое чувство, являлась военная эмиграция, которая сохранила институты независимой Речи Посполитой, — она обладала сильным чувством национальной легитимности. В ней была жива романтическая традиция и непосредственное обращение к опыту Великой эмиграции.

Впоследствии отъезды из Польши представляли собой уже, скажем, узенький ручеек, не было массового явления изгнанничества, которое наделяет людей легитимным правом

¹ Так называемая Великая эмиграция, охватившая самых выдающихся представителей польской культуры и насчитывавшая много тысяч человек, началась в 30-е годы XIX века, после поражения первого польского восстания против Российской империи (1830–1831).

представлять свою страну. Ну, а уж в нашем случае любые попытки претендовать на создание за границей польского Пьемонта были бы доказательством мегаломании и выглядели бы смехотворно. В нас, разумеется, присутствовало чувство того, что наши действия на чужбине должны служить стране, но без всяких мегаломанских притязаний. На эту тему я вел спор с Густавом Херлингом-Грудзиньским¹. Окружение [парижской] «Культуры» пришло к выводу, что после 13 декабря 1981 года центр тяжести польской национальной жизни снова перемещается в эмиграцию. Это был фальшивый диагноз, но я понимал, что поколение Херлинга-Грудзиньского имело право так думать.

Не являлось случайностью, что свое издание мы назвали «Анекс» («Приложение») — одновременно оно было и скромной программой. Наша деятельность задумывалась именно как приложение, добавка, дополнение к тем разнообразным независимым действиям, которые предпринимались в Польше.

— *А было ли для вас очевидным, что нужно сразу же приступать к работе на благо страны? Ведь, как ни говори, именно такова традиция каждого поколения польской политической эмиграции.*

— Да, разумеется, но с чувством большой скромности и внимательно прислушиваясь к голосам тех кругов и групп в Польше, которые проявляют интеллектуальную и политическую активность. Ведь мы — а я говорю о немногочисленном сообществе, сконцентрированном вокруг ежеквартального журнала «Анекс», — не протаскивали силой никакую

¹ Густав Херлинг-Грудзиньский (1919—2000) — видный польский писатель. В 1940 г. успев создать в Варшаве одну из первых подпольных организаций для сопротивления фашистским захватчикам, бежал как еврей в Литву и был немедленно заключен советскими властями в лагерь. Об этом — его книга мемуаров «Иной мир: Советские записки» (1953), которую иногда сравнивают с «Архипелагом ГУЛАГ» или «Колымскими рассказами»; она выходила по-русски в переводе Н. Горбаневской (London: Overseas Publications Interchange, 1989). После длительной голодовки был освобожден. Сражался в армии генерала Андерса, участвовал в битве под Монте-Кассино. После войны эмигрировал в Англию, с 1955 г. жил в Италии. Был одним из создателей и соредакторов парижской «Культуры», а также ее важным автором. Среди других его публикаций на русском языке — «Горячее дыхание пустыни. Белая ночь любви» (М.: МИК, 2000).

конкретную политическую программу, не навязывали никакую идею. Нам скорее хотелось снабжать читателей некой духовной пищей, и поэтому мы публиковали политические анализы «с разных сторон». Ибо у нас, разумеется, имелось и ощущение и понимание того, что мы не владем никаким ответом на польские проблемы. Мы искали, а не убеждали. Таким образом, это в большей мере было своего рода посредничеством между тем, что происходит на Западе, и поляками, живущими на родине или в эмиграции. Благодаря тому, что мы вращались в тамошние научные сообщества и в круги, формирующие общественное мнение, у нас появлялась возможность привлекать к выступлениям по польским делам, к защите польских оппозиционных группировок многих выдающихся людей Запада. У нас установились также очень развитые контакты с зарубежной прессой, радио, телевидением. К примеру, не помню случая, чтобы «Монд» отказал мне в опубликовании информационного материала либо статьи, которые я считал важными. Отношения были хорошими, и газета питала доверие к тому, что я им приносил. В результате сложившиеся у нас интеллектуальные связи с тамошними кругами давали две вещи: мы имели доступ к влиятельным лицам и, кроме того, оставались независимыми в финансовом плане. Мы не жили, и у нас не было нужды жить за счет действий ради Польши; впрочем, таких денег тогда и не бывало.

— *Если смотреть с той, зарубежной, перспективы, то имело ли существование и деятельность эмиграции какое-нибудь значение для ситуации в родной стране?*

— Думаю, имело, хотя оно оставалось ограниченным. Во-первых, для поляков на родине было значимым, что вообще существовало независимое слово, которое не контролировалось пээнэровской властью. Позднее, в 1980-е годы, когда в Польше стало бурно развиваться независимое издательское движение, такое значение эмигрантских публикаций резко падает. Во-вторых, заметным и важным явлением было информирование страны о том, что делается в самой Польше; это интегрировало, сплачивало распыленные оппозиционные группы. Благодаря нашему посредничеству радиостанция «Свободная Европа» оповещала жителей

[глухой провинции вроде] Млавы или Конины об оппозиционной деятельности в других городах. Тем самым эти люди с периферии не чувствовали себя одинокими, видели смысл в своем сопротивлении, группировались вокруг общей идеи. В ситуации, когда власть блокировала каналы прохождения информации, это было необычайно важным.

А в-третьих, благодаря нашим контактам мы могли воздействовать на международное общественное мнение. Нам удавалось даже мобилизовывать интеллектуальные круги на Западе, инспирировать письма с протестами, подписанные известными личностями из мира политики, науки и культуры. За последние годы эта форма действий утратила актуальность, но в ту пору, в 1970-е и 1980-е годы, она еще имела значение, и подобное письмо крайне нервировало тогдашние власти ПНР.

У нас имелись также очень хорошие политические контакты со многими демократическими партиями на Западе. Поэтому, если возникала потребность, можно было с легкостью устроить встречу с самыми видными политиками тех стран и изложить им нашу точку зрения. Таким способом я, например, познакомился с Миттераном, который позже стал президентом Франции.

— Не этому ли знакомству Миттерана с делами Польши генерал Ярузельский «был обязан» очень холодным приемом в Париже в 1985 году? Возможно, есть смысл напомнить о тех событиях, поскольку они стали в Польше темой многих острот и анекдотов. Так вот, Ярузельский возвращался тогда домой после официального визита в Ливию, где — понятное дело — его принимали со всеми почестями. На обратном пути в Польшу он непременно хотел нанести визит президенту Франции. Однако никакого официального приветствия, со всеми положенными знаками внимания, не было. Французы восприняли его приезд как частный визит; Миттеран, правда, принял Ярузельского, но тот вошел в Елисейский дворец не через парадный подъезд, а — как говаривали парижане — по кухонной лестнице, через черный ход, или же, если хотите, вход для прислуги. Миттерану пришлось все-таки выслушать впоследствии массу критических замечаний от местных интеллектуалов и политиков. Даже премьер-министр Фабиус был к нему в претензии за то, что он принял польского генерала.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru